

РАЗМЫШЛЕНИЯ И РАЗБОРЫ

(Соч. П. А. Катенина)

СТАТЬЯ II.

(Продолжение)

После несравненных поэм Гомеровых Эсхилова “Орестия” есть, без сомнения,

139

важнейший по величине своей памятник греческих муз. Она состоит из трех трагедий: “Агамемнон”, “Козфоры” (дароносицы) и “Эвмениды”; в первой победитель Трои, возвратясь в Микены⁶ с добычею Приама и пленной дочерью его Кассандрою, изменнически убит своей женою и любовником ее Эгистом; во второй сын его Орест, воспитанный вне отцовского дома и под чужим именем в него войдя, по приказу Аполлона, совету друга своего Пилада и жалобам в неволе живущей сестры Электры, отмщает убийцам отца и убивает свою мать; в третьей, преследуемый эвменидами⁷ за пролитую им кровь, по новому приказу Аполлона, ищет суда и прощения в священных Афинах. Сама богиня, покровительница города, председательствует в сонме старцев судей; право и вина подсудимого в точности разобраны; благостью милосердной богини Орест оправдан, а строгие божества подземные, ублаженные дарами и почестями знаменитого народа, с кротостью удаляются, обещая навеки быть

благосклонными к жителям Аттики⁸, питомцам мудрой Паллады⁹. Содержание первых двух частей истинно трагическое, равно важное и любопытное для всех веков и земель: вот почему все вообще так часто обрабатывали его и под настоящим именем, и под другими, приноровленными к новым понятиям или костюмам¹⁰; третья часть, “Эвмениды”, вероятно лестнейшая афинянам, чужда для нас, и надо точно переродиться греком, чтобы вполне чувствовать ее достоинство. Я слышал, будто ученый св. Димитрий Ростовский, в одном из своих драматических творений подражая Эсхилу, вывел кающегося грешника и спор о спасении или гибели его между святыми и ангелами, с одной стороны, и духами тьмы преисподней, с другой; любопытно было бы по всему издание сей драмы великого учителя нашей церкви; но где она и когда ее издадут?¹¹

Первая часть, “Агамемнон”, разительна силою и резкостью кисти. Явление, где сидящая на путевой колеснице пленная Кассандра на убеждения хора, чтоб она встала и вошла в дом, отвечает сперва болезненным воплем, потом смутным и наконец ясным предсказанием смерти царя и своей собственной и в невольном порыве отчаянья устремляется к ней навстречу, выше похвал.

Вторая часть, “Коэфоры” или “Электра”, достопримечательна еще тем, что представляет удобнейший случай к сравнению трех известных греческих трагиков и яснее всех общих толкований доказывает первенство между ними Эсхила. Правда, что у Софокла чувства, страсти и характеры несколько более развернуты, но зато действие растянуто, лишнее лицо Хрисотемии выведено единственно для искусственного противоречия с Электрою, рассказ Орестова пестуна об играх и ристаниях¹² эпическая вставка, и холодная жестокость детей, убивающих мать, отвратна. Ход пиесы совершенно заимствован у предшественника;

сон Клитемнестры, надгробные дары и возливания в честь тени Агамемновой, хитрость Ореста, приносящего известие о своей смерти, узнание брата и сестры, отсутствие Эгиста, возвращающегося в самом конце,— все это одно и то же. У Эсхила Эгист убит прежде, а Клитемнестра после, у Софокла напротив; и это отступление неудачно: важнейшее есть убийство матери, и оно должно быть последним ударом. Эврипидова “Электра” — одна из худших его трагедий, вялая и скучная; две странности ее отличают: мысль выдать Электру замуж за старого мужика, который стыдится и не смеет жить с нею как муж, и неуместная, нелепая насмешка (род

140

пародии) над Эсхилом. Воля его, но сцена, давшая название “Козфорам”, во сто раз дороже всей его трагедии.

“Просительницы” — первая часть трагедии “Данаид”; последние две, в коих, вероятно, представлено было их невольное супружество и мщение над братьями-мужьями — словом, все действие, пропали; в первой одни приготовления и жалобы: несправедливо было бы судить ее как целое. Хоры отменно велики и хороши; иначе быть не могло, ибо здесь хор — главное лицо: он составлен из самих Данаид.

“Семь вождей под Фивами” отличаются воинственным изображением осады, приступов, оружий и богатырей. Плач хора и сестер над трупами братьев превосходен, а мужественное намерение Антигоны, вопреки повелению предать земле тело Полиника, кажется как бы зерном, произрастившим “Антигону” Софокла.

Не понимаю, за что Шлегель не любит “Персов”: если за некоторый недостаток драматического действия, то он приметен и в других трагедиях; “Семь под Фивами”, “Эвмениды”, “Эдип в Колоне” также скудны в сем отношении, но Шлегель справедливо ими восхищается. “Персы” — великолепный трофей, воздвигнутый в честь победителей при Саламине¹³: какая почтенная горесть в царице-матери! какая сила и поэзия в рассказах! какое священное величие в отеческих наставлениях мертвого Дария¹⁴, восставшего из гроба на моления плачущих подданных! какое разительное изображение превратности счастья в возвращении одного бежавшего Ксеркса!¹⁵ Сия трагедия тем любопытна, что она одна в своем роде, одна, где выведены на позорище современники-иноземцы.

Но самое оригинальное, самое высокое творение Эсхила “Промефей”. Оно превосходит все произведения древней Мельпомены¹⁶ изображением великого характера. Промефей борется против силы неодолимой и твердостью терпения, так сказать, одолевает ее. Я не знаю трагической картины проще и величественнее, не знаю трагического языка глубже и разительнее; Лаокоон в кольцах у змей не сравнится с Промефеем на скале, и он безмолвен. Кто хочет иметь полное понятие о всей власти трагедии над душой, должен прочесть “Промефея” и воображением (когда иначе нельзя) поставить его на театр.

Новое сравнение между Эсхилом и Софоклом представляется критику, переходящему от “Промефея” к “Филоклету”. Основание сих двух превосходных трагедий одинаково: борьба сильной души с несчастьем и враждою гонителей; но чем сходнее задача, тем различнее гений трагиков. Смелый Эсхил перенесся в первобытные времена мира, его главное лицо — один из древних богов, сынов земли; гонитель его — новый бог, и сильнейший¹⁷.

Благодетель рода человеческого, жертва ревности Олимпийца противопоставляет власти и мучению волю непреклонную; мало

141

душные советы старца Океана, нежные стенания дочерей его, обещания и угрозы Эрмия, скала и цепи, орел ненасытный, гром и землетрясение бессильны; он падает в преисподнюю бездну и уносит в груди своей тайну, коей открытие могло бы спасти его от казни, но вместе — тирана от гибели, судьбою назначенной. Сие торжество упорного страдальца, еще возвышенное резкими чертами природы сверхъестественной, поражает ужасом и удивлением; но сильный Титан-огненосец не может быть предметом жалости; он выше такого слабого чувства и как бы гнушается им. Напротив, его возбуждает беспрестанно Филоктет: он человек, подобный нам, чувство бессмертия не подкрепляет его в страданиях, он, не унижаясь, может изливать их в бессильных и горьких слезах; смертное тело его растерзано и расслаблено тлетворною раной и десятилетним скитанием на пустом острове, где, оставленный жестокими царями, он томится без крова, без одежды и часто без пищи; первое его желание: увидеть людей, и при неожиданной встрече с Неоптолемом, когда после долгой отвычки он опять слышит звуки языка эллинов, душа его полна сладчайших чувств, он оживает надеждою возвратиться на родину и к отцу; когда же открытием нового обмана, лишась минутной отрады, он впадает в вящее¹⁸ отчаянье, тогда наши слезы невольно смешиваются с его слезами. Божественный друг приносит ему спасение, но вместе велит отречься от ненависти и

мщения; он повинуется воле высшей: смирят свой гнев и простирает к Одиссею руку, желавшую пронзить его грудь. В исполнении столько же разницы, сколько в первоначальном очерке: там боги и титаны, полуженщина Ио и полуптица орел спекулятор; здесь люди со всеми их слабостями и страстями, простодушный Пирр¹⁹ и хитрый Улисс²⁰; там чародейством вымысла и поэзии мы переносимся в чуждый мир, в нравственном только отношении с нашим сходный; здесь все нам знакомое и близкое, те же немощи и нужды. “Промефей” полнее выражает идеал греческой трагедии, производит более изумления и страха; “Филоктет” более пленяет сердце, более удовлетворяет человека, рожденного в другом веке и народе, а совершенная отделка частей делает его удобным к представлению везде почти без перемен. Красота подлинника одолела слабость подражателя в “Филоктете” французском²¹.

(Продол, в след. №).